

Раскол в идеологии «стяжателей» и установление института опричнины (к 450-летию события)

Н.В. Асонов

Кризисное состояние России, в которое она погрузилась из-за непродуманных реформ 1990-х гг., сразу приобрело системный характер и поставило под угрозу ее суверенитет и целостность. В сложившихся условиях встал вопрос о характере высшей светской власти. И здесь среди различных точек зрения можно выделить две. Одна группа аналитиков встала, как выразился В.И. Якунин, на платформу «фундаменталистской неолиберальной модели» и выступила против усиления властных полномочий президента. Другие пришли к выводу, что только «сильная власть» главы государства способна навести порядок, подавить деструктивную оппозицию и вернуть России статус державы мирового уровня. Путь решения этой проблемы должен определить судьбу нашей родины.

В связи с этим стоит указать, что означенная проблема не нова для отечественной истории. Поиск ответа на нее шел на протяжении целого ряда веков, часто приводя к противоречивым результатам. Поучительным опытом такого рода изысканий можно считать идейные противоречия, сложившиеся по этому поводу в лагере «стяжателей». В январе 2015 г. исполнилось 450 лет с того момента, когда Иван IV в письме, адресованном светской и духовной элите страны, выразил возмущение ее своекорыстными интересами, подрывающими суверенитет России, и учредил опричнину. Ее целью объявлялось искоренение «крамолы», наносящей вред государству. В рамках реализации данного плана оказался востребован принцип грозной власти. Его идеологическое «созревание» продолжалось почти пятьсот лет и сложилось только к середине XVI в. в кругу «стяжателей», чью политическую платформу вслед за Иваном III и Василием III принял Иван IV.

При этом до сих пор считается, что политическая идеология «стяжателей» была относительно единой. Между тем анализ документов показывает несостоятельность подобной точки зрения. В этой идеологии можно выделить два главных направления, носящих умеренный и радикальный характер. Оба они своим появлением обязаны паламитскому исихазму, проникшему на Русь из Византии в XIV в. Как известно, спасение страны «стяжатели» увязывали с усилением роли не церковного лидера, а государя как главного защитника православной Руси, выступая за ее объединение и свержение верховной власти хана. Они полагали, что основная причина падения православных стран

в XIV–XV вв. состояла в том, что их жители «не стаща мужествене, и погибоша и отчство изгубиша и землю и государство»¹. Чтобы этого не случилось с Москвой, архиепископ Вассиан Рыло требовал поднять значимость великого князя как «пастыря всему словесному стаду Христовых овец» и «государя вседержавного»², наделенного правом вести войну с теми, кто покушается на веру и мешает развитию православной Руси.

Однако вставал вопрос о том, каким должен быть государь по отношению к политической элите, оппозиции и обществу. Должен он проводить в жизнь идею митрополита Иллариона о грозной власти, высказанную им еще в XI в., или же придерживаться принципа терпимости? К единому мнению по этому поводу «стяжатели» не пришли, и к началу XVI в. их ряды раскололись на сторонников и противников грозной власти.

В данный период главным идеологом радикального направления стал Иосиф Волоцкий. В своих сочинениях он указывал, что хоть церковь и создана Богом, но является частью государства. Таким образом, «священство» должно подчиняться государю, который сам поставлен Богом. Государь «должен не только заботиться о собственных делах и распоряжаться собственной жизнью, но и все, находящееся в его власти, защищать», ведь «поставлена гражданская власть на пользу людям Богом, не дьяволом».

Поскольку в мире царит зло, обуздать его может только грозная власть. Ее носители «страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и заслужишь похвалу от нее: ибо слуга Бога и тебе во благо». Иосиф предлагает обратиться к политическому опыту тех императоров Византии, которые ради спасения православного государства отправляли «в изгнание и в темницы патриархов и святителей»³. Но имея Божественное происхождение, власть государя не может себя абсолютизировать, поскольку несет ответственность перед «Царем Небесным» за «всех сущих под ней». Опираясь на политический опыт Византии, Иосиф отделяет власть от ее носителя — властвующей персоны. Государь, как все люди, подвержен земным слабостям, а потому может быть склонен к греховным действиям. Отвести от них помогает «священство». Если государь упорствует в своих пороках, то он больше не «Божий слуга, но диавол». В этом случае, согласно традициям Византии, такому государю можно отказать в повиновении, но менять надо не форму правления, а самодержца.

Как указал А. Штеман, Иосиф, включив царя в систему «Божьего тягла», делал монарха подзаконным, а не надзаконным фигурантом политической жизни страны. «Только в пределах Закона Божьего и заповедей обладает он своей властью». Этим грозная власть русского государя в корне отличается от абсолютизма, самовольно создающего рамки «духовных нужд» государства и их обслуживающего⁴. Согласно мнению В. Вальденберга, учение И. Волоцкого о царе как помазаннике было использовано для обоснования идеи подчинения церкви государству и об оказании церкви помощи со стороны государства, необходи-

¹ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VIII. М., 2001. С. 207.

² ПСРЛ. Т. VIII. С. 208.

³ *Волоцкий И.* Просветитель. М., 1995. С. 361.

⁴ См.: *Штеман А.* Исторический путь православия. Париж, 1989. С. 379, 380.

мой для борьбы с ее врагами. Поэтому грозный царь все равно должен ориентироваться на правила церкви и соблюдать Божеский закон — «в заповедях и правдах ходити»⁵.

У Василия III позиция И. Волоцкого постепенно нашла поддержку и понимание. Он отвернулся от умеренного крыла «стяжателей», полагавших вслед за «нестяжателями», что государь должен быть добродетелен и прост, видя свою основную задачу в установлении справедливости. Сблизившись с радикалами, Василий III принял их теорию, согласно которой, если в стране нет мира, принцип терпимости пагубен⁶.

А мира в России не было уже давно. Оставшись последним православным государством, она испытывала мощный натиск как со стороны исламского мира, так и со стороны католиков Европы. Кроме того, внутри Московского государства наряду с феодальной оппозицией, мечтавшей о восстановлении былой удельной системы, велась напряженная борьба с так называемыми жидовствующими. Их конечной целью было уничтожение православной политической системы и утверждение чуждых ей правил управления⁷.

Неслучайно в это время позиция радикального крыла «стяжателей» нашла поддержку в сочинениях игумена Филофея, доработавшего теорию «Москва — Третий Рим». Филофей указывает, что слабость царской власти ведет к гибели государства. Эта гибель может носить двоякий характер: физический и духовный. Самая страшная гибель — духовная. Ею поражен внешне успешный Запад, идейной столицей которого является «первый Рим». И «хотя великого Рима стены, и башни ... не захвачены (врагами веры. — *Н.А.*), однако души их дьяволом пленены». Византия, благодаря тому что греки остались верны правой вере, пережила только физическую гибель. «Ибо хотя внуки Агари греческое царство покорили, но веры не повредили»⁸.

Этим Филофей подвел читателя к пониманию того, что только грозная власть может спасти православное государство. Теория Филофея получила одобрение Василия III, что отразилось на его решении передать знаки царской власти сыну. Он был благословлен скипетром, крестом, который перешел «от царя Константина Маномаха к великому князю Владимиру Маномаху, и венец царьской, и диадимы царские, ими же венчан царь Маномах». Сделав это, Василий повелел «сыну своему на царство венчаться»⁹.

Однако во второй четверти XVI в. митрополит Даниил, тяготевший к умеренному крылу «стяжателей», не принял позицию И. Волоцкого. Признавая, что «государи православные пастыри крестьянству»¹⁰, он в то же время отказался принять идею грозной власти, встав на путь политического компромисса с кня-

⁵ См.: Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. СПб, 1916. С. 211, 212–219.

⁶ См.: Волоцкий И. Просветитель. С. 367, 369.

⁷ См.: Тайная тайных. Памятники литературы Древней Руси (далее ПЛДР). Вып. 6. М., 1984. С. 555–575.

⁸ Филофей. Послание о неблагоприятных днях и числах // Русская идея / сост. Е.А. Васильев. М., 2002. С. 28, 31.

⁹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 76.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 81.

жеско-боярской оппозицией, надеясь тем самым установить мир и спокойствие в стране.

Такая позиция вызвала серьезную дискуссию между радикальными и умеренными «стяжателями». Со стороны радикалов главным оппонентом митрополита выступил Федор Карпов. Отвечая на вопрос митрополита о том, что «для устойчивости... царства, или власти важнее, правда или терпение?», он исходил из того, что «люди скорбям подвержены», а «весь мир во зле лежит». Поэтому принцип терпимости к идейным врагам несет вред православному государству, ибо терпение хорошо только для «монастырских братьев», посвятивших себя Богу¹¹. В мирской жизни, где борются социально-политические интересы, терпение ведет государство к гибели. «Если мы, — писал Ф. Карпов, — скажем, что терпение важнее для сохранения власти или царства, тогда напрасно составлены законы. Тогда обычаи священные и хорошие установления будут разрушены... общество человеческое придет в беспорядок, в буйстве сильный будет угнетать бессильного, пусть он терпит».

Но чем заменит терпение власть? Оказывается, заменять «терпение» вовсе не нужно. Оно обязано присутствовать в политической жизни страны, но оно не должно быть основой власти. Ее основой должна быть «правда». В понимании Ф. Карпова «правда» соответствует Божественной справедливости. Но одна «правда без милости есть мучительство», разрушающее «всякое общежитие». Только союз «правды», «милости» и «истины» способен помочь утвердиться в государстве «благодати под законом Христовым». Однако такой союз способен продуктивно работать только в том случае, если в стране есть грозная власть, готовая обуздать «зловредных грешников» и тех, которые «не хотят становиться лучше и Бога любить»¹².

Умеренных «стяжателей» взял под защиту новый митрополит — Макарий. При нем вокруг юного Ивана IV сложился религиозно-политический кружок, в котором выделялись Ермолай-Еразм и Сильвестр, также тяготевшие к умеренному крылу. Митрополит Макарий и его выдвигенцы охотно одобрили принцип правды, разработанный Ф. Карповым, но не приняли идею «грозы власти царской». При этом они требовали укреплять самодержавие, без которого православие на Руси не спасти. Ермолай-Еразм считал, что с помощью самодержавия можно достичь «благоугодия земли и умаления насильства», особенно если владение крестьянами передать дворянам. А составленный Сильвестром «Домострой» видел в самодержавии единственный тип власти, способный привести человека к Богу. «Если земному царю, — рассуждал Сильвестр, — с правдою служишь и боишься его, научись и Небесного Царя бояться: этот временный, а Небесный вечен»¹³.

Под влиянием умеренного крыла «стяжателей» к середине XVI в. произошли изменения во взглядах на власть и у Максима Грека. В «Послании к благоверному царю ...» он возвестил о том, что не патриарх, а именно «царь есть не что иное, как живой и видимый, то есть одушевленный образ Самого Царя Небес-

¹¹ См.: Сочинения Федора Ивановича Карпова. ПЛДР. Вып. 6. С. 511, 517.

¹² Там же. С. 509, 511, 513.

¹³ Домострой. ПЛДР. Вып. 7. М., 1985. С. 76–77.

ного». Считая предпочтительной формой власти монархию, Максим предлагает Ивану IV создать широкий союз с представителями тех сословий, которые способны укрепить православное государство.

Тип такого союза, выраженного в Совете при царе, Максим раскрыл в «Сказании о веледушии и Совете». Царя здесь он уподобляет орлу, а царских советников — крыльям орла, поскольку «силою мною своих крил на высоту превелию вздымается; всех же на земле нарочит царь, иже ... правит всегда скипетром царствия своего». Причем в Совет при царе должны входить не только духовные лица и служилое сословие, но и простолюдины.

Тот факт, что Максим не выразил осуждения в адрес реформ Ивана IV, свидетельствует о том, что он в целом принял единый для «стяжателей» курс, направленный на формирование самодержавной соборности как эффективной формы организации государственного управления. Отвергая грозную власть и отдавая предпочтение «кротости и милосердию»¹⁴, Максим тем не менее призывает царя защищать «мир и тишину» в России. Но для этого необходимо «ополчаться» только против «супостатов», под которыми он, видимо, понимал врагов православной модели управления.

Но идеологи радикального крыла не собирались сдавать своих позиций. В этот период в их среде выделился Иван Пересветов, принявший учение Ф. Карпова о грозной власти. В своих «Челобитных» он указывал, что на Россию, как на последний оплот православия, смотрят поработанные люди «греческой веры». Поэтому главная задача царя состоит в защите христианской веры. Но укреплять ее надо также и с помощью «правды». «Когда правды нет, ничего нет». Ведь «Истинная правда» — Христос и его учение, а их надо защищать¹⁵. Защитить их можно, если сосредоточить решающую власть в руках царя. Его власть должна сочетать грозу с мудростью. И.С. Пересветов стал первым, кто призвал молодого Ивана IV быть «грозным и мудрым государем»¹⁶. Если царь таковым не станет, страну захватят иноверцы. Управление Россией надо вести через доверенных лиц, но избегать абсолютизации власти. Вместе с тем автор полагает, что грозная власть царя не должна опираться на союз с торгово-ростовщическими кругами, т. е. бизнесменами. По его мнению, «купец ... вперед душу свою продаст, потом и товар»¹⁷, а это несовместимо с принципом «истинной правды». Военной опорой грозного царя должно быть национальное войско, а не наемники-профессионалы. Только оно способно биться с врагом не щадя жизни.

В середине XVI в. идеологическая позиция радикального крыла «стяжателей» окончательно оформилась благодаря Соловецким старцам Сергию и Герману. Опираясь на положения V Вселенского Собора 553 г., они требовали не втягивать «священство» в проблемы политической жизни и не давать ему

¹⁴ См.: Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1: Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910. С. 214–222.

¹⁵ См.: Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. ПЛДР. Вып. 6. С. 613, 619.

¹⁶ Там же. С. 607.

¹⁷ Там же. С. 617.

владеть тем, чем должен повелевать царь¹⁸. Касаясь организации политической власти, они обращали внимание на то, что «Бог сотворил» монархию для борьбы со злом, сидящим в нас. «Благоверные цари ... на воздержание мира сего» поставлены Богом. Ведь только благодаря «царской грозе» в стране соблюдается порядок, а народ, боясь такой власти, воздерживается от вредных соблазнов. Поэтому власть «Богом передана помазаннику царю». Только ему велено «царствовать и мир воздержати и для того цареви и в титулах пишутся самодержцы».

При этом Сергей и Герман считали, что «всегодная гроза» царской власти должна носить «смирненный» (перед Богом. — Н.А.) характер и осуществляться «с правосохранением», с мыслями о «благоверии и о спасении мира сего». Вместе с тем царям надо «всякие дела делати милосердно» и «с советниками совет совещати о всяком деле» на основе «Божественных и святых книг»¹⁹. Такой «Единомысленный вселенский совет» должен состоять из разумных людей: князей, бояр, «надежных приближенных воевод и воинов», «всяких людей ото всех ... градов своих, и от уездов градов тех». То есть в Совете должно быть представлено не только городское, но и сельское население. Совет должен собираться ежегодно, чтобы грозный царь «про всякое дело мира сего ... добре расспросить мог» и затем бы вынес свое решение. Этим в «Ином сказании» оправдывался принцип грозной власти и оговаривался ее соборный характер, получивший свое воплощение в виде института Земских соборов, созданного при Иване Грозном и уничтоженного Петром Великим.

Таким образом, в политической идеологии «стяжателей» утвердилось два направления: умеренное и радикальное. Главный спор между ними заключался в отношении к «грозе царской власти». Как известно, первоначально Иван IV поддержал умеренных «стяжателей», выступавших против «грозы» и призывавших власть к «терпению» и «кротости». Но когда подобная политика с конца 50-х гг. XVI в. поставила Россию на грань гибели, показав свою слабость в борьбе с внешними вызовами, княжеско-боярским сепаратизмом и проникшем из Европы новым движением «полужидовствующих», царь занял сторону радикальных «стяжателей» и стал «Грозным».

Это нашло отражение в опричнине как отдельном политическом образовании, противопоставленном земщине, которая также получила от царя собственные владения, в несколько раз превосходившие по размерам территорию опричнины. Кроме того, земщине предоставлялось право на особую политическую организацию власти во главе со своей Боярской думой, своими приказами и своим войском. При этом именно опричнина, несмотря на все имеющиеся недостатки, сумела спасти Россию от религиозно-политического разобщения, которое чуть раньше пережила Германия, и сохранить страну как последний оплот славяно-православной цивилизации. Начавшееся усиление позиций умеренных «стяжателей» при Федоре Ивановиче, правившем с 1584 по 1598 гг., при-

¹⁸ См.: *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI века. М.-Л., 1958. С. 162, 164, 172, 188.

¹⁹ Там же. С. 162, 163, 166, 173–174.

вело к тому, что принцип «терпения» и «кротости», восторжествовавший в его политике, отдал реальную власть в руки самозванца Бориса Годунова и спровоцировал небывалую по своему трагизму Смуту 1603–1618 гг.

Вместе с тем, как видно из приведенных доводов, принцип грозной власти не был связан с ее «ужасностью» и не имел никакого отношения к восточной деспотии. Поэтому устойчивое желание западных авторов извратить теорию и практику политической жизни России, например, придав Ивану IV прозвище «Terrible», носит, мягко говоря, ошибочный характер. Правильнее будет использовать термин «thundering», т. е. «грозный». Но куда важнее сделать вывод о том, что хотя бы в кризисные моменты истории власть, заботясь о целостности страны и защите интересов простого народа, обязана быть грозной, но при этом мудрой и соборной силой, даже если наши враги сочтут ее для себя ужасной.

Список используемых источников

1. *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Спб, 1916.
2. *Волоцкий И.* Просветитель. М., 1995.
3. *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.-Л., 1958.
4. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1: Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910.
5. ПЛДР. Вып. 6. М., 1984.
6. ПЛДР. Вып. 7. М., 1985.
7. ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001.
8. *Филофей.* Послание о неблагоприятных днях и числах // Русская идея / сост. Е.А. Васильев. М., 2002.
9. *Штеман А.* Исторический путь православия. Париж, 1989.